

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. МАРТИРОСЯН, *Аргиштихинили*. «Археологические памятники Армении. 8. Урартские памятники», вып. 1, Ереван, 1974

Очередной выпуск большой итоговой серии, издаваемой Институтом археологии и этнографии АН АрмССР, посвящен выдающемуся памятнику урартской культуры, в течение 10 лет изучавшемуся экспедицией, возглавляемой А. А. Мартиросяном. Уже открытием и раскопками такого памятника, как Кармир-Блур, цитадель которого полностью раскопана Б. Б. Пиотровским, советская наука внесла значительный вклад в урартскую археологию. Приступая к изучению другого крупного урартского памятника Закавказья, городища Аргиштихинили, А. А. Мартиросян с самого начала сформулировал основную задачу экспедиции как комплексное изучение урартского города в качестве особого общественного организма, самостоятельной социально-экономической единицы древнего общества (стр. 9, 175). Подобный подход, бесспорно, имеет особенно большое значение, поскольку он связан с такими важными историческими проблемами, как место урартских городов в истории развития оседлых поселений Закавказья, роль городов в структуре урартской державы и вопрос о древневосточном городе вообще, поскольку урартские города были по существу лишь одним из вариантов этого важного исторического явления. Результаты уже осуществленных исследований на Аргиштихинили полностью подтвердили правильность и перспективность принятого направления, и представленную монографию А. А. Мартиросяна, за которой должны последовать другие издания (стр. 47, 135), следует рассматривать как важное достижение советской науки в изучении древнейшей цивилизации Закавказья¹.

Книга А. А. Мартиросяна состоит из восьми глав, дающих обстоятельное описание топографии города (гл. III «Топография и градостроительная структура»), отдельных его структурных единиц и вскрытых там строений (гл. V «Западная крепость» и гл. VI «Жилые кварталы внутреннего города»), вопросов внутренней хронологии (гл. IV «Общие данные о стратиграфии и хронологии города»). В особые разделы выделены материалы о древней экономике (гл. VII «Хозяйство города»), о сведениях письменных источников (гл. II «Фрагментарная клинописная история города») и упадке Аргиштихинили (гл. VIII «Археологические штрихи гибели города»). Вся работа написана ярко и увлеченно с обильным иллюстративным материалом и, бесспорно, является ценным источником для изучения урартского города и его культуры, причем уже А. А. Мартиросян успешно начал это изучение, предлагая различные заключения, характеристики и гипотезы (ср. стр. 175). Отметим постановку проблемы о генетической связи урартской и раннеармянской керамики, а шире — об урартском пласте в культуре древней Армении (стр. 62—64, 147), весьма интересна постановка вопроса о том,

¹ См. также А. А. Мартиросян, Раскопки Аргиштихинили, СА, 1967, № 4; он же, К социально-экономической структуре города Аргиштихинили, СА, 1972, № 3.

что в урартской городской архитектуре соединились творчески переработанные хетто-ассирийские и местные, закавказские традиции, известные по доурартской «циклопической архитектуре» (стр. 89). Эта проблема может иметь другой аспект — о связи урартских и доурартских типов поселений, поскольку в Закавказье тип памятника с мощной укрепленной «цитаделью» и прилегающей округой как будто формируется еще в эпоху бронзы. Другое важное направление историко-культурных изысканий — связи урартской культуры, в частности архитектуры, с памятниками Северо-Западного Ирана (стр. 60—62, 88—89), т. е. во многом с маннейскими традициями.

В краткой рецензии, разумеется, нет возможности перечислить все вопросы и проблемы, которые так или иначе затрагиваются в интересной книге А. А. Мартиросяна, поэтому мы остановимся на двух основных аспектах истории урартского города Аргиштихинили, выявленных этим исследованием: динамике его развития и внутренней структуре.

Археологические материалы и сведения клинописных текстов позволяют говорить по крайней мере о трех этапах в истории города. Первый этап связан с деятельностью выдающегося урартского правителя — Аргишти, который уделил особое внимание областям на левобережье Аракса, построив там в 782 г. до н. э. Эрбунни, а в 776 г. до н. э. Аргиштихинили с одновременным проведением каналов, делавших последний центром богатого сельскохозяйственного округа. Аргиштихинили этого времени имел две крепости — западную и восточную и примыкающие к ним кварталы, которые, однако, разделял значительный пустырь (стр. 69). На втором этапе, приходящемся на правление Сардури II (764—735), обе крепости дополнительно укрепляются, в западной строится ряд храмов, в том числе храм бога Халди, образуя обширный теменос, площадь кварталов увеличивается, оба участка смыкаются и все поселение занимает площадь в 1000 га. Наконец, третий этап, наиболее длительный по времени, охватывает период с 730 по 590 г. до н. э. В это время военно-административное значение Аргиштихинили падает, особенно после постройки Русой II (685—645) Тейшебаини (Кармир-Блур), становящегося центром зааракских провинций Урарту. Невзрачные постройки появляются в это время в западной крепости, частично даже на территории дворца (стр. 95). Парадные залы больших домов в жилых кварталах перегораживаются и используются как стойла (стр. 135). Вместе с тем Аргиштихинили сохраняет свое значение центра сельскохозяйственной округи и места сосредоточения различных ремесленных производств. О первом свидетельствует постройка Русой III (629—609) больших зернохранилищ (стр. 34), а о втором — крупная металлургическая мастерская в западной крепости и находки гончарных кругов и керамических шлаков в одном из домов жилых кварталов (стр. 115). А. А. Мартиросян справедливо полагает, что запустение ряда больших жилых домов этого этапа связано с переходом части городской знати в новую североурартскую столицу — Тейшебаини (стр. 135). Так же как и Тейшебаини, Аргиштихинили несет отчетливые следы штурма и пожаров, сокрушивших город в августе — сентябре одного из первых годов VI в. до н. э. Вслед за И. М. Дьяконовым А. А. Мартиросян полагает, что последний удар Урарту нанесли скифо-мидийские войска (стр. 169). Таким образом, в истории Аргиштихинили нашла яркое отражение динамика развития закавказских областей Урартского царства, и полученные здесь данные имеют важное значение для освещения этого периода в древней истории нашей страны.

Еще большее значение имеют полученные в ходе раскопок Аргиштихинили данные, проливающие свет на внутреннюю структуру и функции урартских поселений городского типа. Город как особый тип поселения отличается спецификой выполняемых функций и особыми морфологическими признаками, связанными с этими специфическими функциями. Сведения о занятиях жителей в основном сосредоточены в главе о хозяйстве города, причем А. А. Мартиросян прямо пишет, что «основой хозяйства города Аргиштихинили являлось высокоразвитое для того времени земледелие» (стр. 136). При этом он ссылается на находки остатков возделываемых культур и на обширные зернохранилища и винохранилища, а также на данные надписей о проведении в этом районе каналов, устройстве садов и виноградников. Думается, однако, что приведен-

ная формулировка нуждается в известном уточнении. Амбары и житницы сами по себе свидетельствуют лишь о хранении соответствующих продуктов, а отнюдь не способах его получения. Зерно и вино могло поступать и в результате сбора дани, и в результате получения налогов, а не только из государственных хозяйственных объединений. Иное дело находки железных серпов в домах бедного люда (стр. 94) и знатных горожан (стр. 112), указывающие на участие обитателей этих строений или, во всяком случае, какой-то их части в уборке урожая. Поэтому пока нет оснований считать, что город был населен прежде всего людьми земледельческого труда. Скорее всего, Аргиштихинили выполнял важную и генетически наиболее древнюю функцию города — роль центра сельской округи, организатора сельскохозяйственного производства². Постройка Аргиштихинили одновременно с проведением оросительных каналов, разбивкой виноградников и фруктовых садов как раз указывает на организацию центральной властью целой структурной единицы³, где сам город был лишь центральным местом, организатором производства⁴, сосредоточением получаемого продукта, но отнюдь не подменял деятельности окружающего сельского населения. На сохранение этой административно-организационной функции и после перемещения политического центра в Тейшебаини указывает постройка в Аргиштихинили нового государственного зернохранилища при Русе III. Как показало исследование Н. В. Козыревой, в Ларсе начала II тыс. до н. э., несмотря на то что основным продуктом питания горожан был хлеб и жизнь города во многом подчинялась ритму сельскохозяйственных работ, среди профессионально-должностного состава жителей хлебоборбы не представлены, а документы о продаже полей, которыми горожане владели в той или иной форме, встречаются крайне редко⁵. Разумеется, это отнюдь не исключало роли древневосточного города в качестве организатора сельскохозяйственного производства (что особенно важно в условиях сложного ирригационного земледелия).

Специфической чертой урартских городов, ярко выраженной и в Аргиштихинили, была военная функция, нашедшая воплощение в мощной фортификации и в наличии воинских гарнизонов. В Аргиштихинили даже на позднем этапе существования города, когда крепостные сооружения частично обветшали, находились, судя по находкам оружия, панцирей и щитов (стр. 93, 112), определенные воинские контингенты. Как отмечал Г. А. Меликишвили, урартские надписи иногда говорят об одновременной постройке крепости (цитадели) и собственно города или поселения⁶, что подчеркивает важное значение военной функции и находит подтверждение в Аргиштихинили, где таких крепостей даже две!

Наряду с функцией центра сельскохозяйственного округа и военно-административными функциями Аргиштихинили был крупным центром ремесленной деятельности. Хотя специализированные кварталы ремесленников здесь еще не открыты, обнаружение крупной мастерской металлурга (так, на стр. 150 и других — менее удачный

² В. М. М а с с о н, Первые города (К проблеме формирования городов в среде равнинноземледельческих культур), в кн. «Новейшие открытия советских археологов», ч. 1, Киев, 1975.

³ О подобных хозяйственно-политических единицах в Месопотамии см. И. М. Дьяконов, Проблемы города в Вавилонии во II тыс. до н. э., «Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума „Город и торговля древнего Востока III—I тыс. до н. э.“», Ереван, 1969.

⁴ Ср. об этой функции Аргиштихинили: Н. В. А р у т ю н я н, Бийинили (Урарту), Ереван, 1970, стр. 226 сл. Среди должностных лиц Тейшебаини упоминаются «человек посева» и «старший пастух», т. е. представители администрации сельскохозяйственной округи. См. также И. М. Дьяконов, Урартские письменные документы, М.—Л., 1954, стр. 26—27.

⁵ Н. В. К о з ы р е в а, Старовавилонский город Ларса, Автореф. канд. дисс., Л., 1974, стр. 7.

⁶ Г. А. М е л и к и ш в и л и, Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 22. В обоих случаях использованы старые шумерские идеограммы: E GAL — «дворец, крепость, цитадель» (стр. 39) и URU — «город, населенный пункт» (стр. 384). Б. Б. Пиотровский предполагал, что первым термином обозначались военные крепости, с дворцом наместника, а вторым — административно-хозяйственные центры (Б. Б. Пиотровский, Вавское царство, М., 1959, стр. 198).

термин — «дом бронзолитейщика-кузнеца»), гончарных кругов и керамических шлаков на территории жилых кварталов свидетельствует о развитии специализированных ремесел. Особым специфическим ремеслом, вызванным к жизни потребностями города с его каменной архитектурой, стала обработка камня (стр. 152—162). Торговля, судя по всему, имела меньшее значение в условиях системы распределения с тенденцией к централизации.

Эти функции Аргиштихинили существенным образом сказались на морфологических особенностях города, для основания которого было выбрано место в значительной мере исходя из стратегических соображений (стр. 41). Военным целям в первую очередь служила постройка двух крепостей, в которых располагались также дворец, обширные хранилища и храмовый комплекс, существенно уступавший, правда (что обычно для Урарту), светской архитектуре. Между этими крепостями располагались на цепи вхождений жилые кварталы «внутреннего города», как его именует А. А. Мартirosян, определяющий площадь Аргиштихинили в 1000 га. Надо сказать, что эти размеры во многом обуславливаются рассредоточенным характером застройки, отличным от скученной планировки месопотамских городов. В распоряжении обитателей Аргиштихинили была по существу большая территория, пригодная для застройки, и использовали они ее довольно свободно, возводя обособленные монументальные дома. Автор предполагает, что «в городских кварталах проживало в общем около 30 000 человек» (стр. 135), хотя и не показывает, каким образом была получена эта цифра. Ориентировочные расчеты позволяют считать это число максимальным. Во «внутреннем городе» зафиксировано до 50 «особняков» (стр. 104), которые А. А. Мартirosян рассматривает в качестве жилищи больше семейных общин (стр. 133) с числом членов общины от 80 до 260 человек (стр. 135). При средней площади домов в 400 кв. м даже первая цифра, дающая около 5 кв. м на одного человека, представляется несколько высокой⁷. Но даже исходя из нее, общее число обитателей «внутреннего города», учитывая, что обнаружено лишь 50% «особняков», будет составлять около 8000 человек. Едва ли плотность населения двух цитаделей-крепостей была особенно велика, если помнить о наличии там монументальных сооружений. Плотность населения Аргиштихинили даже по цифре А. А. Мартirosяна, составляющая всего 30 чел. на гектар, лучше всего характеризует рассредоточенный характер планировки этого города. Для месопотамских городов Г. Франкфорт определяет плотность населения в 500 чел./га⁸, а раннединастический Ур дает 200 чел./га⁹.

Весьма сложен вопрос о внутренней социальной структуре урартского города, и здесь данные раскопок Аргиштихинили приобретают первостепенное значение. Если исходить из собственно археологических материалов, то можно говорить о четырех типах строений, соответствующих, скорее всего, четырем социальным группам горожан, что только подмечено автором.

К первому типу принадлежит дворцовое здание в западной крепости, занимающее площадь около 3000 кв. м со складами для вина, в которых содержалось не менее 150—200 карасов. Рядом с дворцом располагалось зернохранилище площадью в 300 (стр. 85) или 250 кв. м (стр. 137). А. А. Мартirosян справедливо видит здесь место обитания высших представителей урартской администрации, наместника или областного начальника (стр. 74). Это была верхушка общества, занимавшая высшее положение в социальной иерархии Аргиштихинили.

Второй тип представлен крупными, отдельно стоящими домами («особняками») «внутреннего города», открытие которых является одним из важнейших результатов раскопок Аргиштихинили. В главе шестой автор дает подробное описание этих строений, условно названных им «домом мастера-каменотеса», «домом держателя печати»,

⁷ R. N a r o l l, Floor Area and Settlement Population, «American Antiquity», 1962, v. 27, прим. 4: S. E. C a s s e l b e r r y, Further Refinement of Formulae for Determining Population Floor Area, «World Archaeology», 1974, v. 6, N 1.

⁸ H. F r a n k f o r t, Kingship and the Gods, Chicago, 1948, стр. 396, прим. 23.

⁹ R. M c A d a m s, H. J. N i s s e n, The Uruk Countryside, Chicago — London, 1972, стр. 88.

«домом богатого гончара», «домом жреца-врачевателя». Удобные для оперирования вскрытыми объектами, эти названия, разумеется, следует рассматривать лишь как условные, что хорошо понимает и сам автор (ср. стр. 109, 121). При анализе домов этого типа следует учитывать их существование в течение длительного времени — от постройки при Аргишти или Сардури II до позднего этапа жизни города, к которому и относятся в основной массе найденные в них объекты материальной культуры. Анализ исходной планировки, т. е. первоначальных черт, в которых нашли отражение цели, преследовавшиеся при строительстве этих зданий, показывает, что это были монументальные, отдельно стоящие каменные дома средней площадью в 400 кв. м (с колебаниями от 250 до 760 кв. м) с такими обязательными элементами, как парадный колонный зал площадью в 70—110 кв. м и обширное хранилище с карасами. Судя по этим признакам, перед нами дома городского патрициата, пережившие своих владельцев и в отдельных случаях служившие обитателям иного социального ранга, как это видно по перестройкам, разгородившим парадные залы на стойла для скота. Однако ряд домов, видимо, сохранил свое первоначальное назначение и до конца VII—VI вв. до н. э., и находки, сделанные здесь, свидетельствуют о том, что это были хозяйственно самообеспечивающиеся структурные единицы (кухни, жаровни, печи для хлеба, зернотерки) с обширными запасами продуктов питания (от 8 до 20 карасов объемом в 1000 л каждый) и особым культовым центром (так называемый «священный уголок»). Находки в этих домах дорогих, в том числе импортных, вещей подтверждают тезис о большом состоянии их обитателей (стр. 107, 109, 112, 115 и др.). А. А. Мартиросян пишет, что «внутренний город», где в основном сосредоточены дома этого типа, «служил обиталищем высших сословий горожан и важных производителей, которые выполняли руководящую функцию» (стр. 108). Надо сказать, что тезис о наличии среди обитателей (владельцев) ремесленников не кажется нам вполне убедительным. Отдельные находки, например, железных «орудий каменотеса» или гончарных кругов, если они только не являются вторичными по отношению к основному назначению строения, могут быть истолкованы и как свидетельства широкого спектра хозяйственной деятельности обитавшего здесь коллектива. Автор рассматриваемой книги говорит о нем как о большесемейной общине (стр. 108). Видимо, следует более осторожно говорить о жилищной домовой общине, глава которой осуществлял важные общественные функции (например, дом 3, принадлежность которого знатному воину или военачальнику вполне вероятна) и вел самостоятельное хозяйство, в котором могли принимать участие и домашние рабы.

Строения третьего типа выявлены во дворе западной крепости. Это небольшие комнаты площадью около 20 кв. м, построенные из камня и сырцового кирпича и пристроенные к мощным стенам основных сооружений. Каждая из таких комнат имела отдельный вход. Зернотерки, жаровни и остатки злаков указывают на приготовление хлеба их обитателями, однако отсутствие зернохранилищ свидетельствует о централизованном распределении зерна. А. А. Мартиросян справедливо заключает, что здесь жили люди, находившиеся на государственном обеспечении, причем, судя по находкам остатков щитов и стрел, это были, скорее всего, рядовые воины (стр. 93).

Строения четвертого типа также обнаружены на территории западной крепости и также возведены с использованием уже существующих монументальных стен. Их стены сооружены из мелкой гальки и сырцового кирпича, поэтому, с нашей точки зрения, название их «хижинами» (стр. 93) не совсем удачно. Эти строения образуют как бы несколько небольших «квартир» площадью в 25—30 кв. м, состоящих из 2—3 комнат, одна из которых всегда жилая, а другие хозяйственные. В комнатах имеются терки, грузила ткацкого станка, зерновые ямы, найдены железные ножи и серпы. Иногда встречаются 1—2 караса, но больших хранилищ продуктов питания здесь нет, что наводит на мысль о своего рода централизованном снабжении. Перед нами, бесспорно, жилища бедных, зависимых людей низшего слоя в социальной структуре города и вместе с тем составляющих его основную производительную силу. С нашей точки зрения, к этому же типу строений следует отнести и «дом металлурга», у которого к исходной хозяйственно-жилой части примыкает обширный участок, занятый производственными

помещениями. В доме производилась обработка зерна, но обширных амбаров нет — в так называемых «кладовых» среди прочих вещей найдены железные крицы и медные шлаки (стр. 97). Стремление А. А. Мартиросяна видеть здесь обязательно свободного мастера (стр. 98), работавшего не по государственным заказам, а на массового потребителя (стр. 150), не вполне оправдано. Скорее следует ожидать, что мастер, проживающий на территории крепости, также принадлежал к категории зависимых людей, находившихся на государственном обеспечении.

Такова намечающаяся картина четырехчленного деления урартского городского общества по материалам Аргиштихинили.

В заключение хотелось бы отметить важность детального анализа и публикации массового вещевого материала с использованием, когда для этого представляется возможность, количественных характеристик. Весьма перспективна разработка археологической периодизации урартской эпохи с выделением для отдельных этапов ведущих комплексов. Еще не полностью использованы возможности анализа штампов и знаков на керамике, условно определяемых как метки и клейма мастерских (стр. 148—149). Желательно их сопоставление с формами сосудов и анализ территориального размещения на памятнике. Отметим также, что тезис о сложном этническом составе населения Аргиштихинили (стр. 30) выглядит скорее общим соображением, чем выводом, непосредственно вытекающим из конкретных наблюдений. Во всяком случае в опубликованных вещевых материалах эта этническая разнородность либо не ощущается, либо не выявлена должным образом. Следует надеяться, что последующие выпуски экспедиционных отчетов в известной мере восполнят эти лакуны. В большей мере мог быть представлен в данной книге сравнительный анализ и сопоставление с результатами раскопок Кармир-Блура — Тейшебаини, где, кстати, также как будто были открыты жилища воинов, не имевших больших запасов продовольствия¹⁰.

Как бы то ни было, раскопками Аргиштихинили и первой публикацией их результатов в рассмотренной книге положено начало новому этапу в изучении урартского города. Это еще раз свидетельствует о большом внимании, уделяемом советскими археологами проблеме городских поселений древнего Востока¹¹.

¹⁰ В. С. С о р о к и н, Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту, ВДИ, 1952, № 4.

¹¹ См., например, сб. «Древний Восток. Города и торговля», Ереван, 1973.

В. М. Массон

М. М. КУБЛАНОВ, *Возникновение христианства (Эпоха. Идеи. Исследования)*, М., Изд-во «Наука», 1974, 215 стр.

Новая книга М. М. Кубланова обращает на себя внимание прежде всего современным научным уровнем разработки исследуемой проблемы и, безусловно, является заметным событием в советской историографии раннего христианства. Крупные открытия последних десятилетий в этой области, новые исследования отдельных вопросов, более глубокое осмысление методологии предмета порождают потребность в создании обобщающих работ по истории христианства, которые отвечали бы современному уровню знаний и возросшим запросам советского читателя. Решение этой сложной задачи довольно успешно начато в рецензируемой книге.

Работа М. М. Кубланова состоит из введения и четырех глав. Во введении в соответствии с общетеоретическими положениями классиков марксизма формулируются основные методологические посылки темы. Четко изложенные, они знакомят читателя с основными проблемами возникновения христианства, которые в последующих главах раскрываются на фактическом материале.